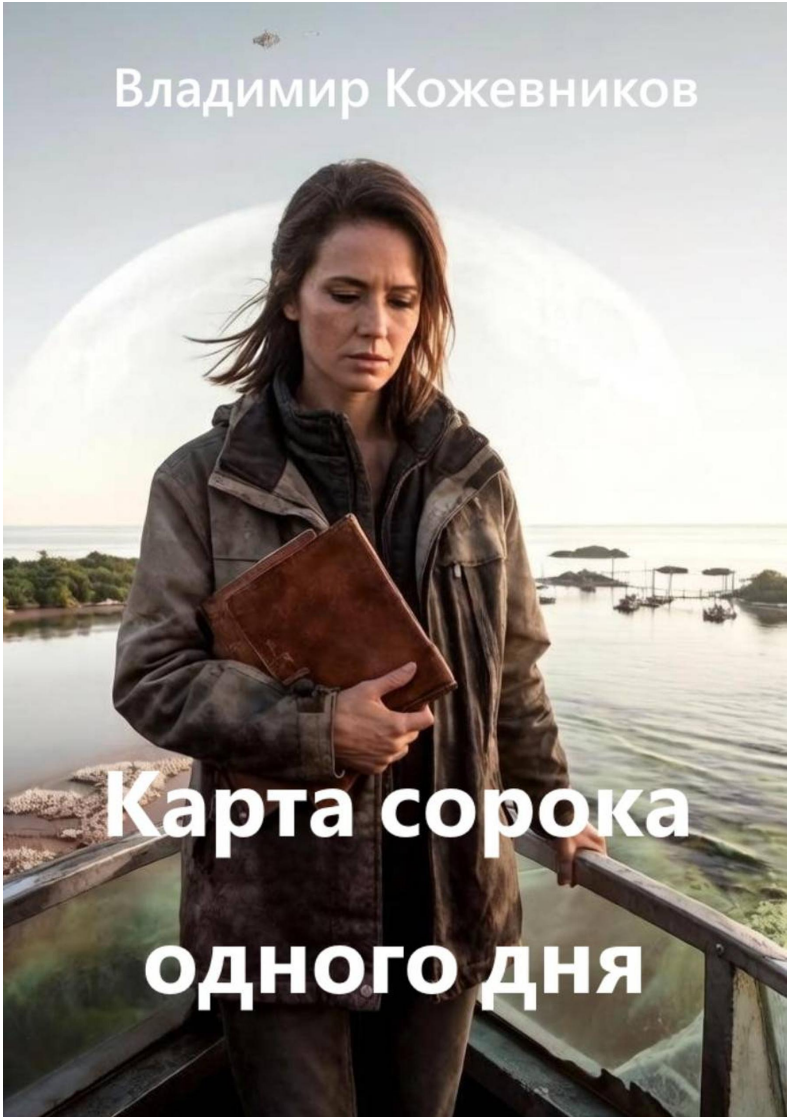

Владимир Кожевников
Карта сорока одного дня

Владимир Кожевников

Карта сорока одного дня

https://litres.ru/74798383
SelfPub; 2026

Аннотация

На океанической планете Ирм жизнь подчинена сорокаоднодневному приливному циклу. Гидрограф Сэви замечает тревожные изменения воды: прилив приходит раньше, коралловые дамбы слабеют, сады скудеют. В это время со станции «Венец» прибывает делегация с проектом Стабилизатора, обещающим энергию и защиту от голода. Но Сэви выясняет, что проект повторяет забытую катастрофу первых колонистов. Пока очаги раскалываются, а её дети оказываются по разные стороны спора, Сэви должна найти третий путь — не победу, а хрупкое равновесие между традицией и прогрессом. Ей предстоит собрать расколотое Согласие Очагов, проверить старые архивы и научиться слышать воду, которая помнит больше людей.

Содержание

Глава 1. Промеры отлива 4
Глава 2. Делегация 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Владимир Кожевников
Карта сорока одного дня

Глава 1. Промеры отлива

Вода лгала.

Сэви поняла это ещё до того, как открыла журнал промеров — по тому, как утренний свет ложился на илистые отмели. Что-то в угле падения теней было неправильным. Слишком косым. Слишком ранним.

Она стояла на носу «Стеклянного глаза» — своего промерного катера, названного так за прозрачное днище, через которое можно было наблюдать за жизнью подводных садов. Катер покачивался на воде, которая ещё полчаса назад должна была быть на ладонь ниже. Сэви знала это точно. Она знала это так же верно, как собственное имя, как вкус соли на губах, как ритм сорокаоднодневного цикла, в котором родилась и прожила все свои сорок три года.

Воздух пах водорослями и тиной — тяжёлый, влажный запах, который бывает только в третьей четверти цикла, когда вода уходит и обнажает илистые отмели. Но что-то в этом запахе было не так. Слишком много гнили. Слишком мало свежести. Сэви поморщилась и провела ладонью по лицу, стирая солёные брызги.

— Ты опять хмуришься, — сказал Кир, выбирая швартовы на корме. Голос у него был юношески ломкий, но уже с инженерной уверенностью — он всегда говорил так, будто всё вокруг можно разложить на схемы и формулы. — Если будешь так смотреть на воду, она обидится и перестанет тебя слушаться.

Сэви обернулась. Сын стоял, широко расставив ноги, чтобы удержать равновесие на скользкой палубе. Семнадцать лет, худой, как молодой приливный тростник — высокий, гибкий, с пушистыми метёлками на конце, которые качаются на ветру, — с руками, уже покрытыми мозолями от работы с инструментами. Он был похож на своего отца — тот же упрямый подбородок, та же привычка смотреть чуть мимо собеседника, когда что-то вычисляешь в уме. Та же улыбка, от которой у Сэви всегда сжималось сердце.

— Я не хмурюсь, — сказала она. — Я думаю.

— Одинаково. — Кир подошёл ближе, заглянул в журнал через её плечо. — Что ты там пишешь?

— Промеры. — Сэви захлопнула журнал. — То, чем я занимаюсь последние двадцать лет. Ты должен быть на занятиях у Олда.

— Олда сегодня принимает роды у Нисы. — Кир пожал плечами. — Я попросил разрешения пропустить. Хочу посмотреть, как ты делаешь промеры. Инженерам нужно понимать гидрографию.

— Инженерам нужно понимать, что они не всегда правы.

Это вырвалось резче, чем она хотела. Кир вздрогнул — едва заметно, но Сэви уловила. Она уже пожалела о сказанном, но извиняться не стала. Слишком долго они ходили вокруг да около того, что он хочет улететь на «Венец». Слишком долго она делала вид, что не замечает его восторженных рассказов о станции, о турбинах, о людях, которые живут среди звёзд и не боятся воды.

— Ладно, — сказал Кир примирительно. — Покажешь мне промеры?

Сэви кивнула и опустила за борт мерную рейку — длинный шест с отметинами через каждые десять сантиметров. Вода сомкнулась вокруг него с тихим всплеском. Сэви подождала, пока рябь уляжется, и посмотрела на отметку.

Двадцать три сантиметра.

Она нахмурилась и проверила ещё раз. Двадцать три. По её расчётам — по расчётам, которые она делала прошлой ночью, сверяясь с записями за последние тридцать лет, — должно было быть двадцать восемь. Пять сантиметров разницы. В масштабах Ирма это было, как если бы луна сбилась с пути на четверть градуса.

— Что-то не так? — спросил Кир, подходя ближе.

— Посмотри сам. — Сэви протянула ему рейку. — Опусти у правого борта. На три метра вперёд.

Кир подчинился. Его движения были точными, выверенными — он уже перенял у неё привычку делать несколько замеров в разных точках, чтобы исключить ошибку. Вода

вокруг рейки была мутной, зеленоватой — не такой, какой должна была быть в это время года. Сэви видела, как под поверхностью проплывают тонкие нити водорослей — не тех, что растут в приливных садах, а других, бурых, пахнущих гнилью.

— Двадцать два с половиной, — сообщил Кир через минуту. — Но это же нормально, у нас тут небольшой уклон дна.

— Нормально было бы двадцать семь с половиной.

Кир посмотрел на неё с недоумением.

— Может, ты ошиблась в расчётах? Вчера был сильный ветер, могло нанести ила.

— Ветер был северо-западный, слабый. Ил не наносит за одну ночь пять сантиметров. — Сэви закрыла журнал и сунула его под мышку. — Поднимай якорь. Мы идём к восточной гряде.

— Но там же...

— Я знаю, что там. Живые дамбы. Хочу проверить их состояние.

Кир ничего не сказал, но Сэви видела, как напряглись его плечи. Он боялся, что она сейчас скажет что-то про «Венец». Про то, что станция — это не спасение. Что инженеры, которые никогда не видели прилива, не могут знать, как он работает.

Она действительно думала об этом. Но вслух ничего не сказала.

«Стеклянный глаз» медленно двинулся на восток, разрезая носом воду, которая была слишком тёплой для этого времени года. Сэви заметила это краем сознания — ещё одна неправильность, которую нужно будет записать. Ещё один пункт в списке того, что не сходится.

Она достала из кармана куртки старый компас — не магнитный, а приливный, с циферблатом, размеченным по фазам цикла. Стрелка указывала на «третью четверть», но колебалась. Сэви постучала по стеклу ногтем. Стрелка успокоилась, но не там, где должна была.

— Вода помнит больше людей, — пробормотала она.

— Что? — Кир обернулся.

— Ничего. Старая поговорка. — Сэви убрала компас. — Отец твой говорил так, когда мы только начинали вместе работать. Он утверждал, что, если долго смотреть на воду, она расскажет тебе всё, что видела.

— И что она тебе рассказала?

Сэви посмотрела на горизонт, где тонкая полоска архипелага Островов Долгого Прилива проступала сквозь утреннюю дымку. Тридцать островов, связанных сетью мостов, лодочных переправ и устных договоров. Её дом. Дом её детей. Дом, который сейчас что-то тихо говорил ей на языке, который она понимала слишком хорошо.

— Что мы что-то забыли, — сказала она наконец. — Что-то важное.

Они подошли к восточной гряде через час. Живые дам-

бы — длинные цепи коралловых образований, которые поколения островитян выращивали вдоль берегов, чтобы защищать приливные сады от разрушительных волн — выглядели бледными. Сэви видела это ещё издалека, но, когда «Стеклянный глаз» подошёл ближе, она поняла, что всё гораздо хуже.

Кораллы побелели. Не полностью — местами ещё проглядывали живые участки, розовые и охряные, — но большая часть поверхности дамб была покрыта мертвенной белизной, как кость, выбеленная солнцем. Вода вокруг них была мутной, с зеленоватым оттенком, и пахла так, что у Сэви запершило в горле.

— Матерь Воды, — выдохнул Кир. — Что с ними?

Сэви уже опустилась на колени у прозрачного днища, вглядываясь в воду. Сквозь стекло она видела то, что боялась увидеть: тонкая плёнка зеленовато-бурых водорослей, облепивших кораллы. Токсичные водоросли. Те самые, о которых предупреждали старые записи — те, что приходят, когда нарушается баланс.

— Не трогай, — резко сказала она, когда Кир потянулся к борту. — Это может быть опасно.

— Но я только хотел...

— Я сказала, не трогай. — Сэви поднялась. Голос у неё был спокойным, но внутри всё сжалось в тугой узел. — Возвращаемся. Немедленно.

— Но мы же не закончили промеры! — запротестовал

Кир. — Мы даже не проверили западную гряду. И приливные сады...

— Мы возвращаемся, — повторила Сэви. — Я должна поговорить с Олдой.

Кир открыл рот, чтобы возразить, но что-то в её лице заставило его замолчать. Он молча занялся швартовами, а Сэви стояла на носу, глядя на белые кораллы, и чувствовала, как под ногами покачивается палуба — так же, как тридцать лет назад, когда она была девчонкой и впервые вышла в море с отцом.

Тогда тоже были белые кораллы. Тогда тоже была «Великая ошибка». И тогда тоже кто-то говорил, что нужно «улучшить» природу.

Она достала журнал и записала: «Восточная гряда, сектор 7. Массовое обесцвечивание кораллов. Предположительно токсичные водоросли. Прилив на 5 см ниже расчётного. Температура воды +1,2° к норме. Требуется срочная консультация с хранительницей табу».

Потом закрыла журнал и спрятала его во внутренний карман — подальше от чужих глаз.

По пути к Олде она зашла в архив — маленькую комнату в здании очага, где хранились старые карты и записи промеров. Здесь пахло пылью и сушёными водорослями, которые использовали для консервации бумаг. Сэви быстро пролистала журналы за последний год. Нет, аномалия была только в этом месяце. Раньше всё шло ровно. Она связалась по

радио с Таром, гидрографом с соседнего острова. Тот подтвердил: у него то же самое. Вода приходит раньше, кораллы белеют.

— Может, это как-то связано с «Венцом»? — спросил Тар, и его голос в динамике звучал хрипло и устало. — Они же что-то там строят на орбите.

— Не знаю, — ответила Сэви. — Но я собираюсь выяснить.

Олда жила в очаге на южном склоне острова Тихой Заводи, в доме, который стоял на сваях над водой. Когда Сэви поднялась по скрипучей лестнице, старуха сидела на веранде и плела сеть из волокон приливного тростника. Её пальцы двигались медленно, но безошибочно — восемьдесят лет жизни научили их не спешить. В воздухе пахло сушёной рыбой и дымом от очага, и этот запах был таким знакомым, таким домашним, что у Сэви на мгновение сжалось горло.

— Ты пришла раньше, чем я думала, — сказала Олда, не поднимая глаз. — Значит, всё хуже, чем я боялась.

— Ты знала? — Сэви опустилась на циновку рядом. — Про дамбы?

— Я знала, что вода меняется. — Олда отложила сеть и посмотрела на неё. Глаза у неё были мутные от возраста, но острые, как осколки коралла. — Я чувствую это по коленям. Старые кости лучше приборов. Когда прилив идёт не так, как положено, они ноют иначе. — Она помолчала. — Расскажи мне, что ты видела.

Сэви рассказала. Про пять сантиметров, про тёплую воду, про белые кораллы. Про зелёную плёнку водорослей, которую она узнала по старым рисункам в архиве.

Олда слушала молча, и её лицо не менялось. Только когда Сэви закончила, она медленно кивнула.

— Ты знаешь, что это значит, — сказала она.

— Я знаю, что это похоже на то, что было при «Великой ошибке». Но я не знаю, почему. Никто не трогал дамбы. Никто не строил шлюзов. Никто не пытался «улучшить» прилив.

— Может быть, кто-то пытается сейчас. — Олда подняла голову. — Ты слышала про станцию?

Сэви похолодела.

— «Венец»? Но они же не...

— Они прислали делегацию. Ещё вчера. — Олда снова взялась за сеть. — Говорят, хотят предложить нам «помощь». Энергию, медицину, защиту от голода. — Она усмехнулась. — Защиту от голода. Как будто мы не знаем, что такое голод. Как будто мы не помним.

— Ты думаешь, они уже начали что-то делать? — Сэви подалась вперёд. — Что-то, что влияет на прилив?

— Я думаю, что люди, которые никогда не жили с приливом, не понимают, что они делают. — Олда посмотрела на неё в упор. — И я думаю, что ты должна пойти на собрание. Сегодня вечером. В очаге Тихой Заводи.

— Я не хожу на собрания. Я гидрограф. Моё дело — про-

меры.

— Твоё дело — вода. — Олда покачала головой. — А вода сейчас говорит громче, чем все ораторы вместе взятые. Ты должна быть там. И ты должна показать им свои записи.

Сэви хотела возразить, но поняла, что не может. Старуха была права. Вода действительно говорила. И то, что она говорила, было страшнее любых слов.

— Хорошо, — сказала она. — Я приду.

Собрание проходило в большом открытом павильоне, построенном на помосте над водой. К тому времени, как Сэви пришла, там уже собралось человек двести — представители десятка очагов, старейшины, молодёжь, рыбаки, ткачи, врачеватели. Люди стояли и сидели на циновках, передавая друг другу чаши с травяным настоем и тихо переговариваясь. Пахло водорослями, дымом и потом — запах множества тел, собравшихся в одном месте.

Сэви нашла место у края помоста, откуда было видно всех. Кир уже был здесь — он стоял в группе молодых инженеров, которые пришли вместе с делегацией со станции. Рин она не видела, но это было неудивительно: дочь всегда приходила на собрания последней, чтобы привлечь внимание.

Делегация «Венца» расположилась на почётных местах — хотя «почётных» в Согласии Очагов не существовало, просто места были ближе к центру. Трое мужчин и одна женщина в одинаковых серо-синих комбинезонах, с гладкими лицами и уверенными движениями. Они выглядели так, будто

привыкли, что их слушают.

Главный из них — высокий, седой, с внимательными глазами — поднялся, когда шум стих.

— Меня зовут Ортан, — сказал он. — Я инженер с орбитальной станции «Венец». Я приехал, чтобы предложить вам проект, который может изменить вашу жизнь к лучшему.

Он говорил спокойно, без пафоса, и это было хуже всего. Сэви знала таких людей. Они не хотели зла. Они искренне верили, что несут спасение. Но когда он заговорил о детях, умирающих от инфекций, его голос дрогнул — едва заметно, но Сэви уловила. Он сам потерял кого-то. Может быть, ребёнка. Может быть, нескольких. И это делало его ещё опаснее, потому что люди, которые потеряли, готовы на всё, чтобы больше не терять.

Ортан рассказал о Стабилизаторе — кольце турбин и шлюзов, которое должно было усмирить приливы, дать энергию и позволить расширить сельское хозяйство. Он говорил о голоде, о болезнях, о будущем.

И люди слушали.

Сэви смотрела на их лица и видела, как в глазах загорается надежда. Надежда — опасная штука. Она заставляет забывать о прошлом. Сэви знала это слишком хорошо.

Когда Ортан закончил, поднялся гул голосов. Одни поддерживали, другие сомневались, третьи молчали. Сэви ждала.

— Слово предоставляется гидрографу Сэви, — объявил

распорядитель собрания. — Смотрительнице промеров.

Она поднялась. Все взгляды обратились к ней — усталой женщине в поношенной куртке, с журналом под мышкой и солью в волосах.

— Я не буду говорить о проекте, — сказала она. — Я буду говорить о воде. — Она открыла журнал. — За последние тридцать дней прилив изменился. Вода приходит на несколько минут раньше. Коралловые дамбы слабеют. Приливные сады дают меньше урожая. — Она помолчала. — И это началось до того, как делегация прибыла на Ирм.

Тишина стала такой густой, что её можно было резать ножом. Но ненадолго.

— Это всё из-за станции! — выкрикнул кто-то из толпы — молодой рыбак с обветренным лицом. — Они там что-то делают на орбите, и вода портится!

— Или это ты что-то делаешь со своими промерами! — возразил другой голос, женский, резкий. — Может, ты просто ошиблась, а теперь пугаешь людей!

— Я не ошибаюсь, — сказала Сэви, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Я проверяла данные трижды. И Тар с соседнего острова подтвердил то же самое.

— Что вы хотите сказать? — спросил Ортан. Его голос был ровным, но Сэви уловила в нём нотку напряжения.

— Я хочу сказать, что мы не знаем причин. — Сэви закрыла журнал. — И я хочу сказать, что прежде чем что-то менять, нужно понять, что уже происходит. Вода помнит боль-

ше людей. И она не прощает ошибок.

Она села. И почувствовала, как раскол — тот самый раскол, который она пыталась предотвратить, — проходит через собрание, через очаги, через её собственную семью.

Кир смотрел на неё с укором. Рин, появившаяся в дверях, — с торжеством.

А вода под помостом тихо плескалась о сваи, и в этом плеске Сэви слышала то, что слышала всегда: предупреждение.

Глава 2. Делегация

Утро после собрания пришло серым и тихим.

Сэви проснулась за час до рассвета, как всегда, — привычка, въевшаяся в кости за двадцать лет промеров. Она лежала на циновке в своей маленькой комнате в очаге на Тихой Заводи, слушая, как вода плещется о сваи под полом. Звук был неправильным. Слишком частым. Слишком нервным.

Она встала, натянула куртку и вышла на веранду. Небо на востоке только начинало светлеть, и в этом свете вода казалась серебристо-серой, как рыбья чешуя. Сэви посмотрела на отметку на свае — старую, вырезанную ещё её отцом. Вода стояла на два пальца выше, чем должна была быть в это время.

«Вода помнит больше людей», — подумала она.

Снизу послышались шаги. Сэви обернулась и увидела Рин, поднимающуюся по лестнице. Дочь была в своей обычной одежде — тёмная туника, штаны, заправленные в сапоги, — и выглядела так, будто не спала всю ночь. Что, скорее всего, было правдой. Под глазами у неё залегли тёмные круги, а губы были сжаты в тонкую линию.

— Мама, — сказала Рин, останавливаясь на верхней ступеньке. — Нам нужно поговорить.

— Проходи. — Сэви жестом указала на циновку. — Ты выглядишь так, будто собираешься объявить войну.

— Может, и собираюсь. — Рин села, поджав ноги. Её лицо было бледным, но глаза горели тем самым огнём, который Сэви помнила с детства — огнём, который пугал её больше любого прилива. — Ты была вчера на собрании. Ты видела, что они делают.

— Я видела, что они предлагают. Это разные вещи.

— Они предлагают уничтожить всё, что мы знаем! — Рин подалась вперёд, и её голос сорвался на крик. — Стабилизатор — это не помощь. Это удавка. Они хотят усмирить прилив, а прилив — это наша жизнь. Наша религия. Наша экономика. Если они его остановят, мы перестанем быть собой. Ты это понимаешь?

Сэви молчала. Она знала, что дочь права в главном, но не могла не видеть и другое: голод, болезни, детей, которые умирают от инфекций, потому что на островах нет современной медицины. Она видела это каждый день в очагах, куда приходила с промерами. Видела лица матерей, которые держали на руках мёртвых младенцев. Видела стариков, которые умирали от ран, которые на станции залечили бы за неделю.

— Ты знаешь, что я думаю о Стабилизаторе, — сказала она наконец. — Но я не могу запретить людям надеяться.

— Надеяться на что? На то, что инженеры с орбиты, которые никогда не видели прилива, знают лучше нас, как жить с водой? — Рин вскочила. — Мама, они же не понимают. Они думают, что прилив — это проблема, которую нужно

решить. А это не проблема. Это мы. Это наша кровь. Это наша память.

Сэви смотрела на дочь и видела в ней себя в молодости — ту же горячность, ту же уверенность в своей правоте. Она знала, что Рин права. Но она знала и то, что правота — не всегда достаточное оружие. Иногда правота — это просто ещё один способ кричать в пустоту.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— Собрать доказательства. Показать людям, что станция уже влияет на прилив. Твои данные...

— Мои данные показывают, что аномалии начались до прибытия делегации. — Сэви покачала головой. — Это не оружие против станции. Это оружие против всех. Против нас. Против очагов. Против самого Согласия.

Рин остановилась. Её глаза сузились.

— Ты думаешь, это они? «Венец»?

— Я думаю, что мы не знаем. — Сэви встала. — И пока не знаем, мы не можем обвинять. Мы можем только наблюдать. И записывать. И ждать.

— Ждать? — Рин горько усмехнулась. — Пока они не уничтожат всё, что нам дорого?

— Пока мы не поймём, что происходит.

Рин открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент снизу послышался голос Кира:

— Мама! Рин! Спускайтесь! Там делегация!

Что-то в голосе Кира — не восторг, а тревога — застави-

ло их обеих забыть о споре. Они спустились к воде и увидели у причала большую лодку с эмблемой «Венца» — кольцо турбин, опоясывающее планету. Возле лодки толпились люди: рыбаки, ткачи, дети. В центре стоял Ортан — тот же седой инженер, что выступал на собрании, — и ещё трое членов делегации. Они что-то объясняли, но Сэви не слышала слов, потому что увидела, как Кир стоит рядом с Ортаном и смотрит на него с восторгом. Мальчишка. Совсем ещё мальчишка. С горящими глазами и руками, которые уже тянутся к звёздам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.